Афанасьева Е.Р.,
к.ф.н., доцент ЧГУ им. И.Я. Яковлева

Традиционный фольклор как источник изучения самобытного менталитета чувашского народа

Общеизвестно, что фольклор является сокровищницей народной мудрости. На земле нет ни одной народности без своих обычаев, обрядов. Все они испокон веков накапливали и сохраняли свою культуру. Чувашская культура из-за кочевого образа жизни своих предков более всего сохранилась в словесном выражении, в устном народном творчестве. Цель данной работы -выявить своеобразие мифологического мышления и национального мировосприятия чувашского народа на ранних этапах развития.

Своеобразие мифологического мышления наряду с остальными жанрами фольклора нашло отражение в жанре саламалик - одной из речей свадебного обряда, произносимым старшим дружком жениха после прихода в дом невесты.

Речь свадебного дружки или саламалик является поистине народным эпосом чувашского народа: в ней отражены народная история, своеобразие эпического мышления народа и риторическое своеобразие чувашской речи. Старший дружка жениха (мăн кĕрӳ), приходя в дом невесты, в аллегоричной форме повествует о трудном пути, проделанном ими в поисках невесты. Фактически здесь интерпретируется многовековой путь предков чувашского народа от Центральной Азии через Северный Кавказ и далее до притока Свияги и Волги. При этом рассказчик пользуется сюжетом волшебных сказок, повествующих о добром молодце (в русском фольклоре это - Иван-дурак), отправившимся в путь в поисках невесты. Поэтому реализм часто переплетается с фантастикой.

Çитмĕл те çичĕ тинĕс уттипе,
Çитмĕл çухрăм çеçенхир хушшипе,
Утмăл çухрăм вăрман варрипе,
Урлă-пирлĕ çулсемпе килтĕмĕр сирен пата.

Пришли они через семьдесят семь морей, пересекли столько же полей, шли через леса запутанными путями. Здесь нужно отметить часто встречающийся в чувашских сказаниях сакральное число семьдесят семь, что означает бесчисленное множество раз. Также встречаются цифры 12, 9 и 6 (60). На всем протяжении речи наблюдаются параллельное сравнение картин природы с жизнью людей, аллитерация и ассонанс, без которых чувашский стих не мыслится вообще. Отметим также, что свою суперцель они не оглашают и скрывают под аллегорией и иносказанием, повествуя как будто бы об отвлеченных вещах: о величии увиденного двора, о диковинной дичи и т.д. Таким образом вырисовывается риторика речевого поведения народа – аллегория, ассоциативность.

Чĕкеç чĕреллĕ хĕр шыраса	Чтобы найти ласковую девушку
Тăват кĕтеслĕ çут çанталăка	Четыре стороны земли
Тăват çул хушши тăватшар хут	В четыре года по четыре раза
Çаврăннă пирĕн ача.	Обошел наш добрый молодец.
Юлашкинчен çакăнта	Наконец сюда
Çаврăнса çитнĕ çав ача.	Дошел этот добрый молодец.

(Здесь и далее подстрочный перевод наш - Е.А.)

Здесь также нельзя умолчать об отличительной особенности чувашских мифов - мир в них всегда четырехсторонний (четырехугольный). Так, дом свата - четырехугольный, и представляется он как целый мир, жених обошел четырехсторонний мир четыре раза.

По мнению фольклориста Н.И.Егорова, эпические мотивы речи свадебного дружки (саламалик) проявляются в схожести сюжетных линий и композиционном строе с героическими волшебными сказками и мифами. Жених встречает и побеждает на своем пути трех- , девяти- и двенадцатиголового змея (хура çĕлен, аçтаха) - хозяина морей, чью дочь впоследствии выкрадут. Также хозяин морей предстает в облике самодержца:

Çав кӳлĕ патшн	Этот хозяин морей
Хура халăха хур кăтартать,	Измывается над народом,
Çулсеренех чӳк ыйтать.	Ежегодно дань требует.

Победа над хозяином морей и кража его дочери повторяют сюжет героического эпоса. Как полагается в волшебных сказках, герою помогают волшебные детали: старец с длинной белой бородой дает ему дубовую булаву (юман чукмар) и письмо (видимо говорится об обретении письменности). А также немалую помощь оказывают тотемные животные (олень, бык, конь, орел). На пути свадебной процессии встретился золоторогий олень с серебряными копытами. Своими рогами он прочертил для них след на небе (млечный путь). В чувашских мифах встречается сюжет, согласно которому предки чуваш пришли на Волгу по млечному пути. В данном случае говорится о тотемном олене, который указал им путь к невесте. Далее им встречается огромная гора (куçпа виçсе илейми -невозможно охватить взглядом). Предположительно, это Тянь-Шань и горы Северного Кавказа, где предки чувашей оставили множество следов. На горе они сражаются с черным змеем - возможно, говорится о сражениях с другими племенами.

Семь дней они обороняли хоромы свата. Силой не смогли взять, но взяли добрым словом. Здесь заметна глубокая вера в силу слова.

Пирĕн маттурсем çав хапхана	Наши молодцы эти ворота
Çичĕ кун пуçĕпе сĕкрĕсĕ,	Семь дней головой пробивали,
Çичĕ кун кучĕпе тĕкрĕçĕ,	Семь дней задом толкали,
Çичĕ кун хулпуççипе хирчĕçĕ,	Семь дней плечом подпирали,
Çавах уçаймарĕçĕ.	Все же не открыли.
Такмакăма каласан	Произнесли нашу частушку
Хапхи хăех уçăлчĕ.	Ворота сами открылись.

В то же время многие элементы саламалика мифологичны: золотой дуб посреди озера, на нем золотое гнездо, в гнезде золотое яйцо на нем золотая утка. На этом примере можно заметить постепенное сужение пространства до крайней точки-цели - утки (невесты). Каждое действо повторяется три раза: на трех столбах три разные птицы зазывают народ; сват на свадьбу приготовил быка, барана, индюка; со змеем сражаются три раза и т.д.

Интересна также аллегоричная просьба о кольце для привязи коня жениха. Смеем предположить, что здесь присутствует намек на будущие сексуальные отношения жениха и невесты:

Çав çитмĕл çичĕ ункăран пĕр ункине
Пирĕн ачан çил çунатлă урхамахне
Кăкарса кантармашкăн памăр-ши?

В каждой просьбе делается ссылка на жениха: «это не я говорю, это наш жених просит» или, «не нами затеян обряд, не будем его нарушать». Такая эвиденция отмечается и в чувашских пословицах и поговорках: говорят, сказано, не велено и т.д.

По мнению Н.И.Егорова, мифологичный мир, представленный в саламалик, имеет свои особенности: он не изображает происхождение космоса и остальных деталей в нем, напротив - здесь представлена повседневная жизнь в уже сложившемся мире. В речи свадебного дружки внимание акцентируется не на самой свадьбе, а на деталях повседневной жизни. Описание каждой увиденной вещи (ворот, дома, лавки, бани, огорода и др.) весьма подробное и гиперболизированное. Речитативная форма произнесения (чередование семистопной силлабики со свободными повествовательными строками) саламалика говорит о древнем происхождении этой жанровой формы, так как форма эпической песни распространилась значительно позже.

Таким образом, в древнем жанре саламалика запечатлен исторически многовековой путь чувашей. По сравнению с остальными эпическими поэмами, саламалик дошел до нас в неизменном виде, поэтому наиболее сохранил национальное мировидение, аллегоричную стилистику языка, риторику речевого поведения и стремление сохранить и запечатлеть народную историю.

Ильина Г.Г.,
ЧГУ им. И.Н. Ульянова

Рассказы о встречах с мифологическими существами (тĕшмĕш халапĕ)

В жанровом отношении чувашская народная устная несказочная проза разнообразна. Наряду с мифологическими, историческими и топонимическими преданиями, сказаниями о великанах сюда относятся и былички.

Тĕшмĕш халапĕ "быличка" – повествование о встрече человека с нечистой силой, имеющее установку на аутентичность сообщаемого – является жанром, отражающим народные верования наиболее полно и непосредственно.

Чувашские устные рассказы, связанные с архаическими понятиями и религиозными верованиями, до сих пор не стали объектом изучения ни историков, ни этнографов, ни фольклористов, ни религиоведов. Между тем они составляют самостоятельный жанр чувашского фольклора и, подобно другим формам устного народного творчества, нуждаются в том, чтобы изучить их в системе устной прозы, охарактеризовать их жанровую природу, показать пути трансформации из архаических мифов и выявить связь с другими жанрами. Чувашские тĕшмĕш халапĕ не изучались и не рассматривались в фольклористике как самостоятельный жанр. Причины этого нам видятся в том, что такого рода фольклорные тексты сравнительно поздно стали записываться собирателями. Сказанное в отношении этого жанра в русской фольклористике можно в полной мере отнести и к чувашским быличкам: "На протяжении всей истории своего бытования они не только не занимали равноправного положения в фольклористике, но даже, как это ни удивительно, не осмыслялись в качестве самостоятельного фольклорного жанра и, вследствие этого, естественно, не были объектом специальных научных разысканий. Немаловажную роль здесь сыграл и взгляд на былички как на средоточие языческих верований, что повлекло за собой дискредитацию мифологических рассказов со стороны церкви (это, однако, не мешало священникам выступать иногда в качестве их собирателей и публикаторов). Еще более решительное неприятие названные произведения претерпели